

Представления о грехе в народной традиции

© И. С. Брилева, 2001

В традиционной картине мира *грех* является структурообразующим компонентом. Через это понятие устанавливаются связи между: человеком и окружающим миром (ближним, родом, социумом); человеком и Богом; земной и посмертной жизнями. Народное понятие греха значительно шире, чем его ортодоксальная интерпретация. «Грех – все, что противоречит норме и влечет за собой карающую реакцию природы (или высшей силы)»¹.

Не претендуя на окончательные выводы и исчерпывающее освещение проблемы, в данной статье мы попытаемся описать представленный в народной традиции концепт греха через связанные с ним понятия. Грех будет рассмотрен в двух аспектах: как действие человека и как результат этого действия. Материалом для исследования послужили тексты русской народной сказочной прозы и некоторые цитаты из православной литературы². Анализируемый концепт реализуется в текстах сказочной прозы, прежде всего, через мотивы, входящие в повествования и образующие многоходовые сюжеты (само слово «грех» может не звучать в произведении). Однако компоненты рассматриваемого понятия отражаются и в словосочетаниях со словом «грех».

Грех как действие человека.

Грех называет ситуацию, включающую человека как производителя негативно оцениваемого действия и «оценивающую сторону» (Божий взгляд), выносящую приговор. Действия участников этой ситуации носят взаимообусловленный характер, предполагающий, однако, многоуровневую и многоэтапную систему отношений, что становится возможным благодаря комплексности понятия грех. Действия человека можно условно разделить на две группы. В первой актуализируется позиция человека, подчеркивается активный и, чаще всего, сознательный характер его действий: *согрешить, сделать, сотворить грех («Я грех экой сделал: отца, матерю убил» (Аз.235); «И праведник седмижды в день согрешает» (Даль); «сделай наперед грех с родной матерью,*

¹ С. М. Толстая. Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: Языки этики. М, 2000. С. 374

² Выразительные средства (а следовательно и лексические партнёры «греха»), используемые в церковной литературе, отличаются разнообразием и эмоциональностью, что соответствует установке текстов – отвратить человека от совершения греха. Мы использовали лишь те примеры из канонических произведений, которые иллюстрируют и дополняют «образ» греха, складывающийся при анализе фольклорных сюжетов.

*сестрой и кумой» (Аз.363) «напился до того, что совсем позабылся и сотворил грех со всеми тремя» (Аз.363)); соблазнить на совершение греха другого человека («старуха (...) зачала в мыслях держать, как бы ухитриться смутить сына да на грех навести» (Аз.363); «Плохо не клади, в грех не вводи». (Даль)); избавиться от греха («Я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть» (Аз.363)). Как следует из примеров, выражения *согрешить с кем-либо, сделать / сотворить грех с кем-либо* передают значение *вступить в сексуальную связь*. В ситуации, описываемой предикатами второй группы, при сохранении человеком центральной позиции деятеля присутствует (имплицитно или эксплицитно) и другой участник – Бог (Его оценка, суд): «можно ли отмолить его (грех)» (Аф.28а); «и ходит (...), умаливая свой тяжкий грех» (См.7); «покаялась она в своем смертном грехе» (См.7); «кушел каяться священнику» (Аз.235) и т. п. Бог как субъект действия выступает в двух основных функциях – прощения и наказания (кары). О том, что идея наказания входит в концептуальное поле греха, свидетельствует, в частности, прослеживаемое в примерах признание справедливости наказания: «наказывает, конечно, нас», «заслужила казнь лютую», «Все на свете по грехам нашим дается». Последний пример иллюстрирует также мысль о том, что любое негативное событие в жизни является закономерным следствием греха, совершенным, возможно, еще предками. Сравним: «Господь долго терпит, но больно бьет. И не поймешь. Даже не тебя накажет, а твоих детей или твоих внуков. Господь всех наказывает». (АКФ. Брянск. обл. №1).*

В православной традиции, в отличие от католической, отсутствует тщательно разработанная классификация грехов и система их искупления, кроме выделения семи смертных грехов (к которым сводятся все остальные) и десяти заповедей. Существует ли четкая градация грехов в народной православии? В народной традиции норма задается не списком грехов и добродетелей, а текстами, иллюстрирующими запреты и предписания. Естественно предположить, что о тяжести греха, о его выделенности на фоне остальных должно говорить наказание. Однако наказание за грех реализуется в зависимости от включенности текста в архаическую или христианскую систему ценностей по-разному, в частности, оно может свершаться в загробном мире или на земле. Какое преступление страшнее (наказываемое немедленно или ожидающее отмщения в будущей жизни) решить невозможно. «Непростительными», «великими», «страшными» в текстах называются грехи, входящие в разные тематические группы: «Какой непростительный грех некрещеных хоронить» («Ж. ст.» т. №3); пустынный говорит об инцесте: «Это грех великой, не ведаю, можно ли отмолить его» (Аф. №28 в); «Грех великий обижать матушку Пятницу ...» (Аф. № 13) и т. д.

Картины загробных мучений также представляют одинаково впечатляющие наказания грешников. Отсутствие дифференциации грехов по тяжести компенсируется подробно разработанной системой наказаний, ассоциированных с конкретными грехами: *прясть в пятницу (т.е. засорять глаза Матушке Пятнице) – ослепнуть; смолить копны на Смоленскую – сгореть; не поить жаждущих – (на том свете) стоять по уста в море и мучиться жаждой и т.п.* Об отсутствии такого понятия, как «легкий» грех свидетельствует и легендарный сюжет (Аф. №20), в котором осуществляется попытка выделения более и менее страшного греха: *«Как быть? —думает старец,—что мне сделать? Если мяса съем—теперь пост, будет большой грех; если блуд сотворю — грешнее того будет; вылью лучше я вина».* (Аф. №20). Персонаж проигрывает в борьбе с дьяволом, выбирая, на первый взгляд, менее тяжкий на фоне других грех.

Включенность в концепт греха оценивающей стороны позволяет слову «грех» употребляться в функции квалификации поступка. В высказываниях: *«Всякая неправда грех», «...тебе (за это) греха не будет», «От Бога грех, а от людей посмех»* и др. – слово грех звучит как приговор, выносимый Божиим судом.

Понятием, входящим в концепт греха, дополняющим идею наказания и существенно отличающим грех от запрета является *прощение*. Как показывает анализ текстов, прощение греха может быть как заслуженным (искупительным путем грешника, праведностью и молитвой близкого ему человека и т. п.), так и являть собой милосердие Божие, не требующее ничего взамен (сюжеты об искушенном бесе). Получить прощение (оставление) грехов может только тот человек, который сам не держит ни на кого зла, простил своих обидчиков. Эта идея является одной из основополагающих для христианства (вспомним необходимое для исповеди условие простить всех) и находит отражение в легендарных сюжетах сказочной прозы. Непрощенный грех удерживает человека на грешной земле, не пускает его в рай: мать не может умереть до тех пор, пока не простит проклятого сына, его же тело не принимает земля (Аз. № 233, 234); не простив сына, убиенные им родители не могут попасть в рай (Аз. № 235).

Нам представляется, что присутствие в ситуации, называемой словом «грех», второй стороны (Бога, а также Святых и персонифицированных праздников в качестве исполнителей функций Бога) делает анализируемое понятие принципиально оценочным. Позиция оценивающей стороны проявляется также в сочетаниях: *непростительный, незамолимый, большой, смертный грех*; в употреблении (наряду с «грех что-либо делать») «грешно» – «очень грешно» – «грешнее», благодаря которым осуществляется попытка градации грехов.

Опираясь на комплекс понятий, входящих в концепт греха, интересно выявить, какой тип действия закреплён в народном сознании за совершением греха — *ошибка* или *преступление*.

Грех и *преступление* сближает трактовка действий человека и Бога в юридических терминах. В основе совершения греха (как и преступления) лежит нарушение закона (нравственного, Божественного — в первом случае и правового — во втором), за которое предусмотрено наказание, выносимое на суде (Божием — для греха, гражданском — в случае преступления), при сохранении, однако, возможности прощения. В отличие от преступления, тип наказания за грех определяется не столько его тяжестью, сколько способом совершения греха.

Ошибка отличается от преступления неосознанностью неправомерности в момент совершения действия. «Осознание ошибки всегда ретроспективно. Ошибку, в отличие от нарушения, нельзя запланировать, нельзя совершить сознательно, намеренно».³ В православной традиции грехом считаются как сознательные, так и бессознательные нарушения нормы (*грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые*). Христианство, по сравнению с архаическим видением мира, актуализировало ответственность человека за его нравственный выбор. Ошибочный выбор порождает грех. Кроме того, покаяние как осознание греха есть осознание своей ошибки. Таким образом, понятие греха можно интерпретировать и через преступление, и через ошибку. В текстах русской народной сказочной прозы концепт греха ближе к преступлению, что объясняется большим интересом в произведениях к поведению, а не к личности человека и дидактической функцией повествований. Однако идея неосознанности прегрешений в совокупности со склонностью человека ко греху реализуется, например, в следующих пословицах: «*Невольный грех живет на всех*» (Даль), «*Грех да беда на кого не живет*» (Даль), «*И праведник семижды в день согрешает*» (Даль).

Ошибка, имплицитная в понятии грех, актуализируется в таких употреблениях современного русского языка, как *грешить против истины* — т. е. заблуждаться, *погрешность* — ошибка, заблуждение (С. И. Ожегов).

Грех как результат действий человека.

Грех не заканчивается вместе с завершением действия, нарушающего норму, — он остается с человеком и проявляет себя через состояние, в котором теперь человек пребывает. Предлагая толкование лексем русской «грех» и итальянской «*peccato*», Л. Г. Панова отмечает, что «в их значении содержится перфект, т. е. действие и состояние в результа-

³ Г. И. Кустова. Предикаты интерпритации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка: Языки этики. М, 2000. С. 126.

те этого действия»⁴. Интересно выявить, какой образ грех как результат действий человека вызывает в народном сознании.

Средоточением грехов и добродетелей человека служит совесть как внутренний психический орган, «автономный компонент внутреннего человека»⁵: *чистая, запятнанная, больная совесть, на совести лежат грехи*. Аналогично «совести» могут употребляться слова *душа* и *сердце*. Нечистая (греховная) совесть *мучает (терзает, грызет* и т. п.) согрешившего. Таким образом, место обитания греха в человеке – его совесть, сердце, душа.

грех = тяжесть (груз)

Одним из частотных определений к «греху» является слово «тяжелый». Через сочетание «тяжелый грех» происходит овеществление, конкретизация этого абстрактного понятия. Грех тяготит сердце и душу, совесть мучает человека, заставляет его искать пути освобождения от греха, иногда толкая на еще более страшные преступления. Тяжесть греха контрастирует с легкостью сердца, освобожденного от греха: «С тех пор молодого купца начала мучить совесть, и он сильно терзался и не находил нигде покою (...) пошел странствовать и замаливать свой грех». (См. №82); *убиенные сыном родители простили ему грехи, и «пошел купец с облегченным сердцем» (См. №82); «Тяжело вздохнул парень, горько заплакал, не взяв ни одной копейки и пошел куда глаза глядят (...) и всякого спрашивает: не знает ли, как замолить ему грехи тяжкие?» (Аф. №28а).*

О наличии в сознании ассоциации грех – тяжесть (груз) свидетельствует существующее в православной традиции представление о том, что Бог (или священник как наместник Бога на земле) *снимает грех с человека*, *берет грех на себя*; человек *несет* свои или чужие грехи.

грех = живой инородный организм (болезнь)

Мучить может не только совесть, отягченная грехом, но и сам грех. Как пишет Св. Иоанн Кронштадский, *грех не может не мучить*: «если случится кому-либо из богобоязненных людей отойти ко сну, не раскаявшись в том грехе или в тех грехах, которые сделаны днем и мучили душу, то мучение это будет сопровождать человека всю ночь...»⁶. С грехами напрямую связаны вечные мучения в посмертной жизни. Однако в отличие от совести, которая предстает как «орган» человека и ко-

⁴ Л. Г. Панова. Грех как религиозный концепт... // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 171.

⁵ Н. Д. Арутюнова. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 58.

⁶ Святой праведный Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. М.-СПб., 1998. С. 37

торуую стремятся успокоить, облегчить (ср. легкая, спокойная совесть), грех представляет собой нечто инородное для человека, от чего необходимо избавиться («*Я бы теперь последнюю рубаху отдал, только б греха избыть*» (Аз.363)). Грех – посторонний организм, который *живет* в человеке / на человеке («*Невольный грех живет на всех*»; «*Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю, но живущий во мне грех*» (Рим.7, 19-21)); развивается, овладевает все большим пространством в его душе, пускает корни в его сердце («*Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои, как он дает грешнику свое зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем как они есть в существе своем...*» – Св. Иоанн Кр-ий⁷; «*язва греха*», «*греховная опухоль*» – из проповеди священнослужителя), мучает, умерщвляет и убивает («*...оживотвори мя, умерщвленного грехом*» – из молитвы ко Прсв. Богородице, «*смертный грех*» и т. п.). Бог, в свою очередь, исцеляет душу от греха («*во исцеление и здравие души же и тела*», «*Исцели, Пречистая, моя многонедужные струпы*»⁸, *яже в души...*» – из канона Ангелу хранителю).

грех = хозяин, захватчик

Образ «хозяина, захватчика», скрытый в понятии «грех» реализуется в следующих предикатах. Грех связывает, пленяет согрешившую душу, держит, не пускает ее в рай («человек, преданный грехам, называется связанным пленицами грехопадений (...) душа будет в тесноте, связанная пленицами греха (...) когда я бываю в плену греха (...) грех связал мне силы и я – как закованный в цепи внутренно – не могу обратиться к Богу» – Св. Иоанн Кр-ий⁹, «...мне следовало быть в раю, да два греха не пускают» (Аз.236), «И рад бы в Рай, да грехи не пускают»); греху служат («так и аз греху служу» – из покаянного канона).

Интересно, что грех не столько сам по себе держит душу в плену, сколько через волю Бога или людей, против которых совершено преступление. Во власти Бога (и человека) *отпустить, простить*¹⁰, *оставить* грехи: «*Я (скитник) разрешу*¹¹ *твой грех*» (См.82); «*Остави и прегрешения моя, и прощение ми подаждь*» – молитва Св. Симиона Нового Богослова; «*Господь простил тебе все твои грехи*» (Аз.363);

⁷ Цит. соч. С. 34.

⁸ струп – др.-русс. *стръпъ* «рана, труп, грех» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 784.

⁹ Цит. соч. С. 35 – 37-

¹⁰ Ср. чешск. *prostiti* «освободить»; др.-русс. *простъ* «прямой, открытый, свободный, простой» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. N. III. С. 380.

¹¹ Решить – др.-русс. *решити* «развязать; отпустить грехи» // См. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 479.

«Они (родители) ему грехи простили, и Господь им простил» (Аз. №23). Силой, освобождающей человека от власти греха, является прощение.

грех = грязь

Противопоставление *чистый* – *греховный* (о совести, сердце, душе) реализуется в повествованиях через мотивы «смывания» греха: Св. Николай советует согрешившему персонажу *мыть себя* – и не водой, а горячими *слезами* (Аз. 240); епитимья, налагаемая на грешника, – *поливать слезами* обугленные головешки, символизирующие его душу (Аф. 28а; Сад. 99в). По-видимому, образ, который замещает грех в данных контекстах, – *грязь*. Эту мысль подтверждает широко встречающееся в православной литературе употребление «очиститься от греха», «очистить грехи»: «Наипаче *омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя...*» – псалом 50; «Господи Иисусе Христе, Боже мой, *ослаби, остави, очисти ми грешному, и непотребному, и недостойному рабу Твоему прегрешения, и согрешения, и грехопадения моя...*» – молитва Св. Иоанна Златоустого и т. д. Ср. также «запятнанная совесть», «запятнать грехами».

В выражениях типа «погрязли¹², утопают в грехах», «жить в грехе» как нам представляется, грех выступает как некая «среда», порожденная греховным действием и окружающая человека.

Таким образом, грех представляет собой не только номинацию действия человека, но и концептуализируется как некая материализованная субстанция, «вызванная к жизни» этим действием, локализуемая (в человеке, на нем или вокруг него) и перемещаемая.

Источники текстов и сокращения

- Аз.- Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. — М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. 12)
АКФ – Архив кафедры фольклора МГУ им. М. В. Ломоносова. Экспедиция в Брянскую область.
Аф.- Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Новосибирск, 1990.
Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1994.
“Жив.ст.” – “Живая старина”, 1994 г. № 2.
См. – Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок архива РГО // Записки РГО. Т. 49 Пг., 1917.

¹² Первоначальное значение слова «грязь» – «тина», «топь»; «грязнути» – «погрязаться, тонуть».